

Анжелика Лавицкая родилась в городе Салаире Кемеровской области. Окончила Современную Гуманитарную Академию, юридический факультет (бакалавр). Работает ведущим библиотекарем Центральной модельной библиотеки им. М.А. Небогатова г. Гурьевска. Публиковалась в журналах: «Путеводная звезда», «Огни Кузбасса», альманахе «Образ». Член СМЛ Кузбасса.

Автор шести книг. Руководитель и основатель Факультета молодого литератора «PRO».

Анжелика Лавицкая г. Салаир

По плану

Места, по которым мы ходим в выходные дни, – кишат воспоминаниями об ужасах и разрушениях; это сейчас природа отвоёвывает своё и никаких шахт и рудников здесь больше не существует, а лет тридцать назад – что-то такое страшное здесь происходило.

К счастью, мы этого не застали. На наш век выпала тишина, и она звенит в этих местах, смешиваясь с жужжанием надоедливой мошкеры.

– Нифига твой рефтамид не помогает, – бурчит Ирка, шагая где-то позади.

– Ну, так я ж предупреждала: лучше ванильное масло, но ты ж не поверила, – хмыкаю я, остановившись, чтобы покурить и оглядеться по сторонам.

Путь мы выбрали не из самых лёгких, но Ирка всё мечтает похудеть куда-то ещё, вот и попросила, чтобы я их провела самым сложным маршрутом, который только возможен.

Привал. Макс и Жека забрались выше, но тоже остановились перекурить.

– Я хочу умереть в лесу, своим телом кормить лису и её голодных лисят – они голодны, пусть едят, – громко декламирует Макс, глядя куда-то вдаль с высоты этих карьеров.

Ну, как всегда: несёт всякую околесицу, он же радиоведущий.

– Блин, с каждым годом заросли всё больше, – Жека убивает какую-то муху или комара, замечая, что лес наступает и скоро захватит город, в котором больше ничего нет.

– А я слышал, в девяностые в эти затопленные карьеры трупы прятали, – всё так же весело продолжает Макс.

Он вообще обо всём говорит весело.

– Прятали, ага, – хмыкает Жека. – До сих пор находят: то с тазиками, то в тачках, но это прям с баллоном нырять надо, чтобы увидеть, они ж бездонные – эти карьеры.

– А в другом – прям деревья под водой растут, — бросаю я, чтобы тему уже сменили; мне, конечно, нравится обсуждать всякую жуть, но не сейчас, когда у нас с собой, кроме ножей, ничего нет и мы идём в дремучий лес, а рядом – затопленные карьеры.

– Нелька, а помнишь, мы в школе учились, и по городу маньяка какого-то искали, а мы во вторую смену были зимой. Некоторых даже родители встречали! А нам пофигу было: ещё на репетиции всяких школьных концертов оставались и домой в девять или в десять приходили, – но меня даже Ирка не услышала и подалась в эти всякие воспоминания.

Ну, что ж, сами напросились.

– Помню, – начинаю я, набирая воздуха в грудь для очередного офигенного рассказа. – Я так раз всех проводила, время уже одиннадцать, и я завалилась к бабушке, чтоб до дома по темноте не идти, у меня ж в переулке Колька-бандит был, – усмехаюсь я, мельком вспоминая, какие страшилки мы придумывали про этого странного деда, который реально вернулся с зоны. – Ну, бабушка маме позвонила, что я у неё остаюсь, и всё: я уроки сделала и спать

легла. А ночью просыпаемся от того, что в окне пляшет огонь: избушка там, на курьих ножках была – дача чья-то, вот и загорелась. А бабушка и говорит: там кого-то в армию провожали, вот, мол, и допровожались. А на следующий день, Ира, ты должна помнить, – девчонка одна в городе пропала. Где её только не искали, а потом дядька мой на песках нашёл: изнасиловали, убили, выбросили. Ну, а потом уже выяснилось, что она в том доме была. Там её и убили, и сжечь хотели, но спалили весь дом, а от неё так и не избавились, потому и увезли на эти пески и выбросили, мол, кто ж туда пойдёт искать: все ж боятся радиации. Ну, а тот, кого провожали, и оказался тем самым маньяком; во всяком случае, на него так всё и повесили, но ужасов в городе после его посадки меньше не стало.

– Жесть! – комментирует Ирка, как только я замолкаю.

– А чё ты мне раньше не рассказывала?

– Берегла историю для одного эпизода в романе, но чего-то он мне так и не пригождается нигде, – отвечаю я, открывая бутылку воды.

– А потом ещё какая-то банда волосатиков появилась, – задумчиво произносит Макс.

– Да это уже нулевые были: какие-то малолетки, по городу ходили, – обрывает его Жека.

– Ну, вообще-то они одного хорошего поэта убили, эти отморозки, — добавляю я, так как и эта история – мне знакома, ведь самое любимое в газетах с детства – конечно, криминальная сводка, я ж писатель.

– Отличные истории по дороге в лес! – наконец-то до Иры доходит, что тема не самая лучшая. – С нами как раз поэт! – добавляет она, указывая на меня.

– А вы – отморозки, – смеюсь я, пытаюсь не поднимать из памяти эту историю о поэте.

– Ладно, пойдёмте, а то мы до этой дамбы к ночи не доберёмся, – командует Женька.

И мы снова продолжаем путь. Путь к дамбе, про которую тоже ничего не знаем: мы нашли её в далеком детстве, когда здесь ещё не было такого густого леса, и гадали: как она там оказалась между карьерами? Она недостроенная и уже тогда обрушалась. Для чего она там? Какие были планы? Даже родители не знали, что там есть какая-то дамба.

– А тут, наверное, шурфы сейчас могут быть, – кричит Макс. – Надо осторожнее!

– Да какие шурфы?! Всё детство тут зависали, никто не умер, придумываешь всякую херь, совсем в своем городе одичал, – отвечает Женька.

– Ну, дорога же у вас там обвалилась где-то, – не сдаётся Макс.

– Так там до сих пор какие-то чёрные копатели, – продолжает Женька. – Китайцы, что ли: то ли золото нашли, то ли лес воруют, то ли всё сразу.

Наш город до сих пор окутан всякими сплетнями и тайнами, потому что почти превратился в деревню из-за отсутствия всего. Может, оно и к лучшему: тихо и спокойно.

– Давайте стихи читаем или песню споём, а то с вашими историями мне уже страшно, – говорит за спиной Ира. – Давай своё чего-нибудь, — обращается она ко мне.

– Я свои не помню, ты ж знаешь, – и я ведь, правда, их не помню, а чужие – запросто.

– Белый снег, серый лед, – затягивает Макс.

– Ну, только не это! – они все прекрасно знают, как мне передалась ненависть одной моей героини к этой песне.

– Жека, а расскажи стих Бродского, где «бей в барабан, пока держишь палочки!», мне оно так нравится! – просит Ира.

– Вот только не сейчас, давай на дамбе лучше, – отвечает он.

А я знаю, чем их всех заткнуть, сейчас точно подхватят:

– Грани-ицы клю-уч переломлен пополам!

– А наш дедушка Ленин совсем усох! – подхватывает Макс.

– Он разложился на плесень и на липовый мёд! – Женька.

– А перестройка всё идёт, идёт по плану! – Ирка.

– И вся грязь превратилась в голый лёд! – я.

– И всё идёт по плану! – все вместе.